

ЦИНИЧНЫЙ СМЕХ

Говорить о циничном смехе легко и сложно. Легко, потому что ему присуща собственная, легко узнаваемая форма. Циничный смех – это негромкое «хе-хе-хе» или «гы-гы», резко контрастирующие с гомерическим хохотом жизнелюба. Сложно, поскольку циничным смехом сопровождает свои слова и поступки человек, относящийся к достаточно противоречивому культурному типу. Мы будем рассуждать о циничном смехе, опираясь на определение цинизма, данное в «Критику циничного разума» Петером Слотердайком. Немецкий философ характеризует цинизм как «das aufgeklärte falsche Bewußtsein», что, приблизительно, можно перевести так: «осознанное ложное сознание». Этой формулой Слотердаик, думаем, хочет сказать, что циник осознает ложность и несправедливость своего отношения к действительности, однако не отказывается от такого отношения.

Итак, понимание необоснованности своего сознания не ведет автоматически к изменению сознания и способа жизни. В этом корень цинизма, который развился в европейской культуре на руинах просвещенческого рационализма. Последний не учитывал той диалектической сложности, которая присутствует в отношении между «знать» и «поступать». Современная эпоха во всеобщем масштабе доказывает: можно знать, что плохо и, одновременно, не желать изменить то, что плохо. Просвещенческий идеал верховенства «разума, который волит разум» вызывает циничный смех. Циник не верит в «наивный идеализм» тождества знания и силы, знания и воли, знания и власти. Его смех несет в себе семантику развенчания рационалистической философии тождества. Циник – это тот, кто убедился на собственном опыте, что в мире и его судьбе верховенствует совсем не разумная и не всеобщая воля, а воля витальная, темная, бессознательная. «Мы все ощущаем, что возвышенные слова и разумные резоны не имеют силы заставить нас жить в соответствии с ними».

Циник тихо смеется, когда слышит речи о беспристрастном знании, которое должно кого-то заставить действовать строго рационально. Циник смеивается и указывает на нетождество слов и дел, – ведь он нуждается в самооправдании.

Цинический смех негромкий, поскольку он диалектический и рефлексивный. Он не вызван непосредственной радостью жизни или восприятием комического несоответствия. Он вызван желанием оправдать несоответствие между общим и частным, между разумом и индивидуальной волей. Циничное «хе-хе-хе» – злорадное. Оно говорит о том, что человек сознательно ставит удовольствие своего существования выше всеобщего интереса. Циничный смех выражает приятие нетождества человека и разума как фундаментального факта, который нельзя обосновать словами... а только смехом. Тихий смех циника, – иногда, просто улыбка, – это окончательное требование признать все так, как оно есть, – когда все аргументы, все рационализации частной воли уже не в счет. Циничный смех – окончательный и расслабляющий. Он не допускает возражений.

Чтобы возражать, следует иметь общие основания для спора. А цинизм – это жизнь без общих и справедливых оснований. Циник смеется, потому что должен показать отношение к отсутствию своего тождества с разумом. Его смех, посему, означает, что он позитивно оценивает это нетождество или «просто продолжает жить».

Какая жизнь рождает смех? Интуитивный ответ: не пустая, хорошая жизнь. Тихий, диалектический смех циника должен подчеркивать, что он удовлетворен своей бесосновной жизнью, что «просто жизнь» – это не плохо. Циничный смех кажется его обладателю победным, ведь цинизм – это победа над разумом и совестью. Циник смеется «по ту сторону добра и зла». Смеется тихо и диалектично, потому что сознает свое отличие от гомерического хохота нерелективного жизнелюбия и дружно/дружеского веселья победившего разума. Циник, обычно, боится смеяться громко, чтобы не выдать себя. Этот смех отрицания тождества адресован не всем, а только тому, кто стоит на пути реализации циничной цели (иногда – еще и самому себе). Это расчетливый смех. И в этом его диалектическое противоречие. Разве всем не известно, что подлинный смех – непринужденный, несдержанный?

Точная адресация циничного смеха означает пугливость и скрытую неуверенность циника в себе. Циник – расслабленный человек. Он примирился с тем, что его сил хватит лишь на борьбу за собственное благополучие любыми средствами. Поэтому смех – только одно из средств в такой борьбе; средство, которое циник пытается представить окончательным основанием. В этом противоречии открывается пустота циничного смеха. Победным смехом можно встретить возражение, если не видишь за ним никакой силы. Циник отвечает на возражение разума и совести тихим смехом или улыбкой, потому что непосредственности его смеха мешает сознание, что цинизм – это выбор в пользу своей единичной воли, которой всегда угрожает столкновение с другой, более сильной волей. Циник всегда боится, как минимум, другого циника.

Циничный смех указывает адресату на то, что ему нечего противопоставить жизненной воле, нетождественной разуму, более того, повелевающей всяким разумом, – как считают циники. Циничный смех должен разоружать. Он призван показать, что циничная воля отбрасывает все «идеалистические основания», что ей нечего возразить по сути, что собственные интересы циника – окончательное основание для его действий. Но что будет, если адресат того же мнения об основаниях, если он тоже циник. Смех тут же умолкает. Циники веселятся между собой, если они временно объединены общим интересом. Вечный же интерес у них только личный. Поэтому им приходится опасаться столкновения с более сильным циником. Если есть такая угроза, то, как говорится, не до смеху.

В борьбе циников не слышно смеха. Здесь идут в ход иные средства. Здесь все маскируются и пытаются обмануть друг друга своими «идеалистическими» аргументами – чтобы выгодно использовать ложные представления противника о намерениях и средствах другой стороны. Допустить в такой игре хоть одну циничную улыбку – то же самое, что разоружиться. Цинизм не может здесь не использовать «фикцию» всеобщего разумного интереса. Поэтому циничный смех современного политика можно услышать только в «неофициальной обстановке», когда он думает, что не стоит опасаться «циничной» прессы или разведки противника. Чем тише в обществе циничный смех, тем оно циничнее.

Цинизм паразитирует на разуме. Это делается очевидным, когда циник начинает смеяться. Его смех означает, что циник сейчас не боится раскрыть свой обман. «Победившего не судят». Смех должен оправдать циника в собственных глазах, указать собственному разуму на его служебное, а не судейское, место. Цинику необходим победный смех для спокойного расставания с совестью. Смех говорит поверженному противнику: «оставь надежду», мое решение не подлежит обжалованию в инстанции совести, ибо такой инстанции для меня нет. Теперь можно смеяться и спокойно раскрыть свое прежнее лицемерие. Бессовестным «гы-гы» циник дает понять, что для него нет ничего выше безопасного и темного наслаждение своей волей. Никакой разум, никакие аргументы не могут заставить изменить своей воле, ибо только она – «не фикция».

Как всякий паразит, циник считает, что его самого нельзя использовать. Когда к нему адресуют разумные доводы, ограничивающие его эгоизм, он отвергает их как «рессентимент». Он лишь смеется, когда ему предлагают обосновать свое нежелание прислушаться к ним; ведь он не верит в то, что их можно использовать взаимовыгодно. Выгода паразита – это проигрыш того, на ком паразитируют. Смех циника означает: «Я и сам паразит, так что не обманешь». Циник убежден, что разум не может обеспечить всеобщий интерес, поскольку такой интерес – «фикция», а разум – только инструмент частной воли. Кто попался на удочку разумных и общезначимых аргументов, тот проиграл.

Циник должен смеяться, чтобы заставить себя и других поверить, что он в выигрыше. Ведь смех означает обладание ценностью, завидным качеством жизни. Невозможно смеяться в состоянии очевидного убожества. Циник, как победитель, непременно является собственником. Раб и нищий не может быть циником. Циник считает себя настоящим свободным. Поэтому циник, который оказался у разбитого корыта, изо всех сил демонстрирует свою свободу циничным смехом. Смех побежденного циника самый

громкий, самый натужный, самый рефлексивный, т.е. пустой. А пустой смех, как известно, есть смех над самим собой.

Цинику не свойственно критичное отношение к самому себе, потому что дискомфорт критики не вяжется с его представлением о «реальной» жизни. Вынужденность громкого смеха для циника невыносима. Он не может ограничивать свою свободу смехом и тем, что «нужное несложно, а сложное ненужно». Даже проигравший циник еще не кинический философ. Смех не может быть для циника последним основанием. Ему нужен смех как указание на самодостаточность, как претензия на обоснованность, как «секретное оружие» в дискуссии об основаниях. Смех как цель, как естественный наркотик не известен цинику, – даже если ему ничего не остается другого, как смеяться во имя своей свободы.

Циник слаб для полноценного смеха. Циник слаб для того, чтобы воспользоваться своими ресурсами. Циник способен только на то, чтобы бороться за обладание заменителями (симуляциями). Поэтому циничный смех всегда наркотический.

Современная культура – насквозь наркотическая, потому что цинична, и цинична, потому что наркотическая. Современная культура воздвигла пьедестал цинику-победителю, потому что она в основном состоит из заменителей подлинного счастья, из предметов обладания. Циничный смех, который исторгают миллионы глоток, постоянно усиливается с помощью масс-медиа и подстегивает всеобщую гонку потребления.

Смех как награда за работу ума и тела сейчас вытесняется смехом народного цинизма. Цинизм социальных победителей, цинизм власти теперь дополняется народным цинизмом. В наше время стало очень трудно проиграть так, чтобы лишиться всех заменителей, всех наркотических средств. Вот почему так трудно сегодня услышать смех – подлинный, не циничный. Ныне смех-заменитель, смех как средство подтверждения собственной «удачливости» нужен всем. Никто не хочет выглядеть так, будто у него «не все в порядке», будто он «не ориентируется в реальности» и «не знает, что почему». Циничный смех народных масс звучит не тихо и не громко, а усреднено, как и полагается ширпотребу. В нем нет полуфилософской глубины тихого циничного смеха или пустоты громкого смеха обанкротившегося циника. Это качественный циничный смех простого потребителя, который хочет защитить комфорт своей «реальной жизни». Качество этого смеха гарантируется современными масс-медиа, доходчиво обучающих народ, как и когда нужно смеяться, чтобы все окружающие знали, что «этому палец в рот не клади».

Масс-культурный смех, штампованный по телевизионному образцу «циничных шуточек на каждый день», уже не сражается с «фикцией» разума во имя личного интереса. Его задача скромнее. Он призван защищать «то, что уже имеется» от «неразумных посягательств» со стороны фиктивных всеобщностей, далеко идущих планов, утопий и прочих врагов здравого смысла. Короче, цинизм в массовой культуре становится поборником здравого смысла. Это, конечно, рождает подозрение, что, истребив чистых идеалистов, чистые циники стали успешно паразитировать на здравомыслящих циниках.

В нашу задачу не входит социологическое рассмотрение внутривидового взаимоотношения циников. Для нашей феноменологии циничного смеха задачей является описание главных разновидностей циничного смеха, возникших из-за диалектического характера циничного смеха. На наш взгляд, который мы попытались обосновать самой последовательностью изложения, более адекватным (сущностным) для цинизма является тихий смех упоенного своей властью. Стало быть, в настоящем циничном смехе присутствует инстинктивная социальность победителя, который не может стерпеть безразличие к нему со стороны окружающих. Адекватный циничный смех должен быть вызывающим. Он всегда требует ответа, он всегда говорит о готовности циника далее сражаться за себя. Он экспансивен. Поэтому чистый циник силен в своей слабости, поскольку догадывается, что наркотическое состояние, вызванное обладанием «всем реальным» в чем-то подобно состоянию, когда тобой обладает «вся реальность», следовательно, когда смех легко и просто приходит в награду за правильную жизнь. Вот почему циничный смех прежде всего злораден: «А ведь ты тоже не праведно живешь!»

Кто из нас способен рассмеяться в ответ ему так, чтобы в этом смехе мы не почувствовали наркотической власти цинизма?